

Обзоры и рецензии

Р. О. Халфина. **Общее учение о правоотношении.**

М., «Юридическая литература», 1974, 348 с.

Вопросы правоотношений изучены в советской литературе в целом ряде работ, посвященных фундаментальным проблемам общей теории права, а также отдельных отраслей права. Крупным событием в разработке теории правоотношения явилась книга С. Ф. Кечекьяна «Правоотношения в социалистическом обществе».

Работа Р. О. Халфиной — наиболее обширное (после монографии С. Ф. Кечекьяна) исследование, в котором дается общетеоретическая характеристика правоотношения. В ней освещены методологические основы теории правоотношений (место правоотношения в понятийном аппарате юридической науки, системный подход к изучению правоотношения, теория правоотношения и практика — гл. 1), подробно разработано понятие правоотношения (прежде всего под углом зрения единства в правоотношении формы и содержания — гл. 2), охарактеризованы участники правоотношения (предпосылки участия в правоотношении, виды участников правоотношений — гл. 3), показана структура правоотношения (субъективное право, связь прав и обязанностей в правоотношении, реальное поведение участников правоотношения в соотношении с правами и обязанностями — гл. 4), проанализирована динамика правоотношения (его возникновение и развитие, правовые средства, призванные обеспечивать соответствие поведения участников правам и обязанностям в процессе развития правоотношения — гл. 5).

Достоинство книги в том, что в ее основе лежит единая общетеоретическая концепция. Суть последней (в иных вариантах она разрабатывалась и другими авторами) заключается в том, что правоотношение рассматривается как урегулированное юридической нормой реальное конкретное общественное отношение в единстве его юридической формы и материального содержания. При этом Р. О. Халфина видит в юридической форме не внешнюю оболочку реального общественного отношения, а структуру, модель поведения, пронизывающую данное отношение. «Нельзя представлять правоотношение, — говорится в работе, — как некую оболочку, которая может быть снята, оставив общественное отношение неизменным. Если вынуть остов, каркас, „арматуру“, то отношение будет иметь иную форму, будет качественно иным» (с. 102).

Указанную концепцию следует признать плодотворной, конструктивной. Она обеспечивает такой «поворот» в научной интерпретации правоотношения, при котором последнее выступает в качестве важнейшего средства связи права с жизнью. А это позволяет не только последовательно и полно провести в теории правоотношений диалектико-материалистический подход к правовым явлениям, но и на основе этого вскрыть новые, более глубокие пласты в правовом регулировании, связать вопросы правоотношений с актуальными проблемами юридической науки, такими, например, как эффективность права.

Отсюда и своеобразие самого исследования. В полном соответствии с предложенной общей концепцией Р. О. Халфина уделяет повышенное внимание такой ранее мало исследованной проблеме, как соотношение прав и обязанностей и реального поведения участников правоотношения (с. 257—282). Отметив, что реальное поведение «либо представляет собой непосредственное выполнение обязанностей или осуществление права, либо в конечном счете приводит к закреплению в модели правоотношения результату», автор пишет: «Анализ поведения с точки зрения того, насколько подробно права и обязанности опосредуют его, дает возможность судить о необходимости более подробного правового регулирования либо об отказе от слишком детального регулирования» (с. 278).

Значительный научный интерес представляют те страницы книги, где анализируется динамика правоотношения в плоскости выраженной в нем «модели» и реального поведения. Р. О. Халфина рассмотрела (и при этом выразила теоретические конструкции при помощи графических схем) основные случаи отклонения реального

поведения от модели, а также те средства, которые направлены на приведение реального поведения в соответствие с моделью, выраженной в правоотношении (с. 307—316).

Книга Р. О. Халфиной — новаторское исследование, написанное с передовых философских позиций. Вместе с тем автор стремится в полной мере учесть теоретические достижения, накопленные нашей юридической наукой, и в первую очередь сохранить четкость юридических понятий — правоотношения, субъективного права, юридического факта, юридической ответственности.

И еще об одном достоинстве книги хотелось бы сказать. Это — насыщенность исследования богатым фактическим материалом. Правда, автора можно упрекнуть в том, что данный материал касается в основном гражданского законодательства, примеров из хозяйственной жизни (что привело к известной односторонности некоторых теоретических построений). Но есть здесь и несомненный плюс. Р. О. Халфина в большинстве случаев не ограничивается использованием фактического материала в качестве иллюстраций, а квалифицированно анализирует его и, что самое главное, органически увязывает выводы, сделанные на основе обобщения фактического материала, с общетеоретическими выводами и положениями.

Есть в работе и отдельные слабые места, дискуссионные положения. Можно было бы поспорить с автором относительно роли объекта в правоотношении, признаков субъекта права, а также по ряду других проблем. Не всегда учтены в книге новейшие разработки, касающиеся теории правоотношения (о соотношении субъективного права и правомочия, диалектике связи материального и юридического содержания в правоотношении, видах фактических составов, «внутреннем» развитии правоотношения и его механизмах и др.).

Но не на этих положениях хотелось бы акцентировать внимание. Тем более, что стремление Р. О. Халфиной провести через все исследование единую теоретическую концепцию, высветить в теории правоотношения новые грани делает неизбежным такое построение книги, при котором не все вопросы могут получить достаточно полное освещение.

Остановимся лишь на двух теоретических проблемах, которые имеют существенное значение для перспективной разработки данной темы.

1. Особенности правоотношений в связи со спецификой отраслей советского права. Автор, правда, в общей форме, говорит о том, что отрасли советского права разграничиваются по объективным критериям — предмету и методу регулирования (с. 269—274) и что особенности правоотношений зависят от системы права (с. 283), от используемых приемов регулирования (с. 272). Но при решении конкретных проблем юридическая специфика отраслей права, присущих им методов правового регулирования не всегда принимается в расчет. Так, Р. О. Халфина не видит качественных различий между сделками гражданского права и трудовым договором (с. 292), отвергает попытку классифицировать ответственность по отраслям права (с. 333). Но главное в том, что сама конструкция правоотношения не носит универсального характера: она в значительной степени сориентирована на гражданские правоотношения и прежде всего на модель гражданско-правового обязательства.

По мнению автора, правоотношения — только конкретные правовые связи. Действительно, в гражданском и ряде других отраслей права правоотношения в основном выступают в виде связей, полностью конкретизированных по содержанию и субъектам (хотя и признается, что есть и абсолютные правоотношения, которые нельзя назвать конкретными). Но как же быть с общими правами и обязанностями, существующими в сфере других отраслей права — государственного, уголовного, процессуального? Какова, в частности, природа конституционных прав личности — права на труд, права на образование, права на неприкосновенность личности и т. д.?

Решение поставленных вопросов осложняется тем, что Р. О. Халфина справедливо и аргументированно отрицает существование субъективных прав вне правоотношений. «Отсутствие связи права с корреспондирующей ему обязанностью — отмечается в работе, — лишает право существенного его элемента — обеспеченности» (с. 225).

И вот здесь автор выдвигает положения, которые подрывают развиваемую конструкцию правоотношений. В частности, утверждается, что конституционные и другие общие права — вообще не субъективные права. Р. О. Халфина называет их «основными принципами и положениями» (с. 56). В отношении же таких прав и свобод, как неприкосновенность личности, свобода слова и другие, она пишет: «Хотя по традиции употребляется термин „право“, строго говоря, данный термин не соответствует существу отношений. Обеспечивается и охраняется государством не право на неприкосновенность, честь, достоинство, а сами эти социальные блага» (с. 124). По мнению автора, они — «элементы статуса», который охватывает «все виды связей» (с. 123).

Но что значит «все виды связей»? И что такое «элементы статуса»? Если ни то, ни другое не может быть объяснено через такие исходные категории, как субъективное право и правоотношение, то они вообще лишаются черт правовых явлений.

Да и с практической стороны перспектива развития конституционных и иных общих прав не в том, чтобы «выводить» их из сферы субъективных прав и правоотношений, а, напротив, в том, чтобы еще более утвердить их в качестве таковых, упрочить их положение как элементов устойчивых, юридически обеспечиваемых правовых связей.

Что касается теоретической стороны проблемы, то все становится на свои места, стоит лишь учесть юридическое своеобразие отраслей советского права и, прежде всего, государственного права — отрасли, метод которой имеет общезакрепительные функции, т. е. характеризуется как раз тем, что призван обеспечивать общее правовое положение субъектов, систему общих правовых связей в социалистическом обществе. Заметим, кстати, что нет препятствий для признания общих субъективных прав и правоотношений и под углом зрения ряда концептуальных положений, развиваемых в книге. Р. О. Халфина пишет, что «точная определенность участников не относится к специфическим признакам правоотношения» (с. 246). Проводится в книге также мысль о многообразии типов связи прав и обязанностей (с. 247). К тому же и ценность конструкции правоотношения здесь не меньшая, чем в случаях гражданских, административных и иных правовых связей, общие субъективные права также выражают реальные общественные отношения, только иные — тоже общие. Справедливо указывается на с. 237: «Сейчас есть все основания для того, чтобы рассматривать право на труд, право на жилище, на образование, на медицинскую помощь, помощь в воспитании детей, обеспечение престарелых и нетрудоспособных как *зрелые, развитые, обеспеченные* экономическими и частично юридическими гарантиями *права*. Дальнейшее развитие должно идти по пути совершенствования юридического закрепления тех достижений, которые уже имеются в нашем обществе». Правильные положения! Жаль только, что они плохо увязаны с общей конструкцией правоотношения, защищаемой автором.

И еще один момент. В книге проскальзывает мысль, что нужно различать правоотношение и иные «правовые связи». Конечно, с философской стороны между понятиями «связь» и «отношение» есть различия. Но в юридической науке понятие правоотношение призвано выразить одно — связь между субъектами через их права и обязанности. Поэтому признание наличия между субъектами правовой связи означает, что перед нами — правовое отношение. Иначе во имя сохранения узкоцивилизационской трактовки правоотношения пришлось бы вводить новые термины для обозначения правовых связей разных видов и наряду с теорией правоотношений (для гражданского права и ряда других отраслей) развивать общее учение о правовых связях вообще.

2. Структура правоотношения. Автору не в полной мере удалось использовать возможности системно-структурного подхода в исследовании правоотношения. И это дало себя знать как при определении структуры правоотношения, так и при рассмотрении связей его элементов.

Р. О. Халфина берет за основу анализа понятие структуры как способа связи элементов, как системы их отношений в рамках целого (с. 204). Автор солидаризуется с С. Н. Братусем, который понимает форму «как систему относительно устойчивых связей моментов содержания вещи, как структуру всех свойственных ей процессов» (с. 83). Отсюда следует вывод, что под структурой правоотношения должна пониматься связь образующих его содержание элементов, т. е. прав и обязанностей в единстве их юридической и материальной сторон. Между тем Р. О. Халфина относит к элементам структуры правоотношений, во-первых, их участников, во-вторых, права и обязанности, их взаимосвязь, в-третьих, реальное поведение участников в его соотношении с правами и обязанностями. При подобной трактовке разъединяются материальное содержание и юридическая форма как не совпадающие элементы правоотношения, т. е. то, против чего в целом последовательно выступает Р. О. Халфина. Кроме того, вряд ли справедливо относить к структурным элементам правоотношения его участников. При традиционном же подходе к трактовке элементов правоотношения, не согласующемся с теорией структур, следовало бы в круг элементов включить не только субъекты, но и объекты правоотношения, т. е. полный его состав. Однако объект правоотношения Р. О. Халфина оставляет за пределами элементов его структуры (с. 212—217).

Исследование структуры правоотношения обязывает, далее, выявить организацию, существующие способы связи прав и обязанностей. Их соотношение, в зависимости от характера опосредуемых правом материальных отношений и производных от этого методов правового регулирования, весьма различно. Так, по своей структуре правоотношения, складывающиеся на основе дозволительных норм, существенно отличаются от правоотношений, в основе которых лежат запретительные или обязывающие нормы; различна структура правоотношений, формирующихся под воздействием регулирования диспозитивного или императивного, между сторонами, находящимися в общем состоянии юридического равенства или, напротив, власти — подчинения и т. д. В зависимости от использования приемов регулирования в определенном их сочетании, каждая отрасль права формирует свой отраслевой «структурный

тип» правоотношения (на что указывалось в работах С. И. Аскназия, О. С. Иоффе), каждый из которых обладает типичными для данной отрасли чертами построения и соотношения прав и обязанностей. Несомненно, что различную структуру имеют и такие разновидности правоотношений, как правоотношения общерегулятивные, абсолютные, относительные, пассивного и активного типов, регулятивные, охранительные и т. д.

Хотя в книге имеется специальный параграф, посвященный соотношению прав и обязанностей, однако все разнообразие вариантов структуры правоотношений, а также корни этого структурного многообразия не вскрываются. Между тем указанный вопрос важен не только в теоретическом, но и практическом планах, ибо, например, юридическими гарантиями исполнения обязанностей могут служить не только и не столько меры принуждения, сколько такое построение прав и обязанностей субъекта правоотношения, при котором он стремится к выполнению обязанности как условию реализации принадлежащего ему в том же правоотношении права. Это отмечает и Р. О. Халфина (с. 245). Но, к сожалению, данное положение, как и положение о зависимости правоотношений от системы права, не стали стержневыми, они высказаны как бы попутно.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть: книга Р. О. Халфиной — крупный шаг в развитии теории правоотношения. Даже те положения книги, которые вызывают критические замечания, не могут быть отвергнуты наукой целиком, ибо они будят мысль и могут послужить основой для дальнейшей разработки соответствующих проблем учения о правоотношении.

С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев,
доктора юридических наук.

**В. А. Ржевский. Общественно-политический строй СССР
как воплощение суверенитета советского народа.**

Изд-во Ростовского ун-та, 1974, 132 с.

Работа интересна прежде всего постановкой вопроса о понятии, правовом оформлении и конституционном обеспечении общественно-политического строя Советского государства. Эти проблемы до сего времени не находили специального освещения в государственно-правовой литературе. Основные черты социализма как общественного строя рассматривались в философской, исторической и экономической литературе с позиций обоснования его социально-политических признаков, становления и развития советского общества, совершенствования экономической системы социализма.

Однако общественно-политический строй — категория не только социологическая, но и государственно-правовая (с. 8). Ее содержание и методы конституционного закрепления отражают характер и степень развитости важнейших отношений, являющихся главными, определяющими во всей организации общества на том или ином историческом этапе.

В монографии впервые в юридической литературе содержание конституционной категории общественно-политического строя рассматривается на основе выявления тенденций развития объективных по своему характеру отношений общественно-экономической формации. Такой подход позволил преодолеть схематическое представление о понятии общественно-политического строя, утвердившееся в учебной литературе и сводящееся к перечислению трех главных основ данного строя. Речь идет, таким образом, о создании научной концепции общественно-политического строя как основополагающей конституционной категории, отражающей материалистическое понимание общественного развития (с. 9).

Важнейшие институты социалистического строя рассматриваются на основе объективного содержания общественных отношений единой коммунистической формации, а современный этап — как новая ступень восходящего развития социалистического общества.

Исследование общественно-политического строя СССР ведется в двух основных направлениях. С одной стороны, выясняется его соотношение со всем комплексом общественных отношений, составляющих формацию в целом, раскрывается воздействие общественного строя на весь процесс правового регулирования в нашей стране. С другой стороны, выявляется специфика общественно-политического строя — самостоятельной сферы конституционного регулирования, не растворяющейся в иных государственно-правовых институтах и выражающей социальный тип взаимосвязи политической власти и собственности советского народа.

Именно на установление данной специфики ориентирует определение общественно-политического строя Советского государства (с. 28). Автор правильно ограни-